

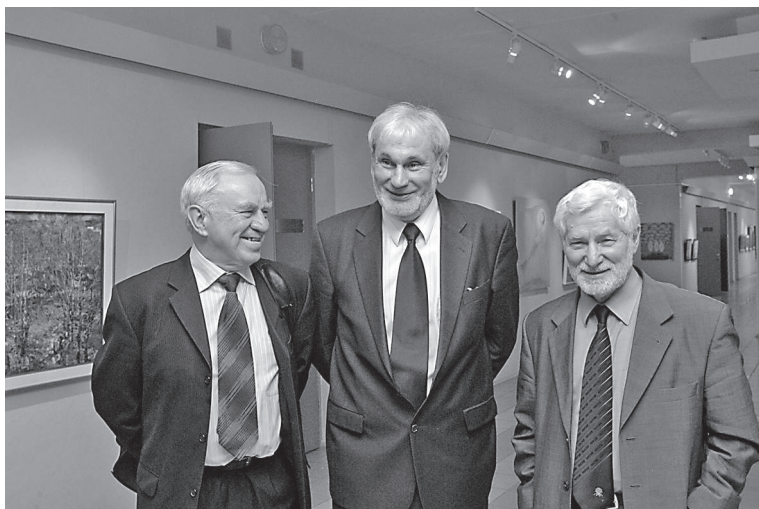
О ПОЭТИЧЕСКОЙ ДУШЕ МОИХ КОЛЛЕГ-ГЕОЛОГОВ

Первые годы нашего института вспоминаются сейчас как прекрасный праздник, как непрерывное общение достойных, умных, интересных людей. Повезло всем, кто в юности оказался в новосибирском Академгородке – в ИГиГ: учителями и друзьями их стали люди знаменитые, легендарные, уже тогда представлявшие гордость советской науки. Помню, как я был поражен, попав в домашнюю библиотеку Геннадия Львовича Поспелова (в 1958 г. я даже некоторое время жил у него). Это была, конечно, прежде всего, библиотека научная, но немало места в ней занимали поэтические сборники, часто первоиздания, раритеты – Владимир Маяковский, Илья Сельвинский, Владимир Луговской, Василий Каменский... «Разве удел у юности – старость? Разве удел у старости – смерть?» – энергично читал Геннадий Львович, когда-то в Томске принимавший самое активное участие в выступлениях «Синей блузы». Кстати, стихи его не раз входили в профессиональные литературные сборники. Скажем, в сборник «Мы растем» (Запсибкрай, 1934).

Впрочем, не обязательно писать стихи, чтобы любить поэзию, понимать ее значение. Это показывали на своем примере Александр Михайлович Обут (впервые познакомивший нас со стихами своего друга, известного биолога А.П. Быстрова) и Ю.А. Долгов, В.Н. Сакс и Б.С. Соколов... И они одни разве?.. Отношение личности к творчеству всегда уважительно. Приведу пример, связанный с Андреем Алексеевичем Трофимуксом. В ноябре 1962 г. в газете «За науку в Сибири» появилась статья секретаря ВЛКСМ Сибирского отделения АН СССР Бориса Мокроусова, который резко критиковал настроение творческой молодежи (общепринятый тогда партийный термин). Там были и такие (цитирую) слова: «...так, сотрудник Института геологии и геофизики Г. Прашкевич отка-

зывается от социалистического реализма в пользу декадентов, оплевывает ряд советских поэтов...»

Времена были не столь уж идиллические, как теперь о них вспоминают. Нечего и говорить, что я сразу почувствовал некую тревожную тень, упавшую на меня, и в общем-то не удивился, когда в рабочее время меня вызвали к директору института. В приемной я перехватил жалостливый взгляд секретарши, но и без того было ясно, что Андрей Алексеевич вызвал меня вовсе не для обсуждения проблем нефтегазоносности Сибири. Он просто указал мне рукой на кресло. Я сел. Некоторое время мы молчали. Потом Андрей Алексеевич спросил: «Ты правда думаешь, что Гумилёв – настоящий

Активные члены литературного клуба ДУ: д.ф.-м.н. В.П. Ильин, писатель Г.М. Прашкевич, академик С.В. Гольдин

поэт?» (В те годы стихи Н.С. Гумилёва были под категорическим запретом.) Я ответил: «Да». Лицо Андрея Алексеевича показалось мне усталым. Он смотрел на меня с недоумением, как на некую новую, удивившую его форму жизни. Потом медленно сказал: «Иди». И этого оказалось достаточно, чтобы на некоторое время от меня отстали...

Потрясающую поэтическую активность развивал Пётр Михайлович Бондаренко. Пожалуй, его можно назвать настоящим научным бытописателем института: он взвалил на себя почти непосильную задачу – отразить в шуточных стихах всю жизнь ИГиГ, всех его сотрудников – от академиков до службы АХО. Был он человеком добрым, улыбчивым, полным искрометного юмора, втайне мечтал о своей отдельной книге стихов. К сожалению, такой книги до сих пор нет. С.М. Николаев предлагает пустить шапку по кругу. Почему бы и нет? Нас, друзей Петра Михайловича, много – пора издать книгу его стихов.

Сергей Васильевич Гольдин объездил весь мир; думаю, страсть к перемещениям в пространстве – в крови каждого геолога и геофизика. И отовсюду Сергей Васильевич привозил новые стихи. В Москве он читал их (в любое время суток, мог позвонить и ночью) Александру Городницкому, на Сахалине – Генриху Штейнбергу, в Академгородке – мне... В каждом городе у него находились ценители.

Алексей Борисович Птицын не только писал и пишет превосходные стихи, он сыграл немалую роль, скажем так, в формировании поэтического вкуса у многих своих друзей. Его отец – известный химик, чл.-кор. АН СССР Борис Владимирович Птицын перевез в Академгородок прекрасную, редкостную поэтическую библиотеку, в которой особенно хорошо был представлен Серебряный век. Книги поэтов разрешенных и запрещенных мы впервые находили именно у него либо в библиотеке другого химика – В.М. Шульмана, или у Геннадия Львовича Поспелова...

К.ф.-м.н. В.И. Щеглов

Прекрасные стихи писал геофизик Валерий Иннокентьевич Щеглов, мой друг. Я всегда считал его способным на самые настоящие порывы в поэзии, но жизнь Валеры, к сожалению, не была долгой... Среди сотрудников института к поэтическому творчеству склонны В.О. Красавчиков, В.И. Буданов, О.К. Гречищев, Л.Н. Похиленко, А.Н. Дмитриев, Б.Н. Лапин и многие другие. Геология и поэзия – поистине неразделимы. Институт может гордиться своими сотрудниками, никогда не замыкавшимися только в своей профессии.

Прашкевич Геннадий Мартович – прозаик, поэт, переводчик (работал в ИГиГ с 1958 по 1964 г.)